1996 N15

ИРИНА САМОРУКОВА
ЭПИКРИЗ, ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ О "ТРЕПАНАЦИИ ЧЕРЕПА"

"Сам любитель легкого чтения, я бы и себе пожелал сочинить что-нибудь такое. Чего я домогаюсь этой писаниной? О, притязания мои велики!"

Сергей Гандлевский ("Трепанация черепа").

История болезни. Очень важно выбрать эффектное название для текста. Желательно, чтобы в нем мерцала экзистенциальная символика, чтобы заглавие отсылало к архетипам мировой культуры, было полно многозначительных аллюзий. А можно, напротив, назвать опус совершенно неопределенно, скажем, "Композиция № ". Подобная неопределенность позволит вписать произведение в абсолютно любой контекст и откроет небывалый простор для трактовок и прочтений.

Прозаический дебют Сергея Гандлевского поименован, пользуясь выражением одного из персонажей произведения, "поэтично и впрямь" - "Трепанация черепа", а ниже - то ли определение жанра, то ли подзаголовок - "История болезни". Но нет тут никакой сакральности и второго смысла. Трепанация черепа - это прямое обозначение медицинской операции, которую довелось пережить автору-персонажу. История болезни - и в самом деле рассказ о том, как страдал и лечился он от опухоли мозга. Автор-персонаж является поэтом, но поэт в данном случае - не призвание, а скорее определение, указывающее на образ жизни. Сергей Гандлевский - рассказчик и персонаж прозаического текста Сергея Гандлевского, биографического автора, москвича, литератора, семьянина, пьющего... Не все поэты болеют менингиомой, не всем делают трепанацию черепа - и не надо, не желает рассказчик никому своей участи, хотя ему, в общем-то, - повезло.

Итак, раз "история болезни" - значит, эпикриз. Эпикриз - это, кажется, такая штука, которую в больничной карточке записывают в момент выписки пациента из стационара: у поступившего наблюдались такие-то симптомы, диагноз, лечение, исходные анализы, итоговые...

На первый взгляд, перед нами полуавтобиографическая-полумемуарная проза, охватывающая весьма приличный отрезок времени: тут и рассказ о предках, и воспоминания детства, и случаи из непутевой юности, и портреты друзей-знакомых; встречаются также эпохальные фигуры, вроде Евтушенко и Дм.Пригова, маячит призрак госбезопасности, почти идиллически развертываются картины тихих семейных радостей. Но все это преподносится фрагментарно и сцеплено по закону байки, бытового трепа, "вранья" (см. эпиграф к "Трепанации черепа": "Я люблю, когда врут!..."). Рассказчик начинает с описания головной боли утром на даче, сетует на соседей - бывших кагэбэшников, тут вспоминается допрос в органах, всплывает причина и повод интереса последних к персоне героя, приезд старого знакомца Миши Чумака, история посещения с ним Аркадия Пахомова, работа экспедитором.... В "Трепанации черепа" синтагматика (последовательно-горизонтальная связь) явно преобладает над парадигматикой (системно-вертикальными отношениями). Текст напоминает огромное сложноподчиненное предложение, где одно слово "который" цепляется за другое. Поистине - "В доме, который построил Джек..." Автор так и не возвращается к описанию допроса. Да и незачем. Хронология для прозы Гандлевского факультативна и в принципе невосстановима. События сопрягаются лишь последовательностью воспоминаний и ассоциаций рассказчика. И хотя персонажами книги являются реально существующие или существовавшие люди под своими природными именами (А.Сопровский, А.Цветков, Л.Рубинштейн и др.), перед нами не мемуары. "Трепанация черепа" - это книга не "о времени". Тогда, может быть, этот текст "о себе", если уж продолжить цитату? Исповедальная, так сказать, проза: автор на даче, автор на вернисаже, на приеме у врача, вдвоем с женой, с другом, в одиночестве. Многомерный автопортрет художника конца XX века... Но отчего-то "Трепанация черепа" сопротивляется подобному жанровому определению.

Лидия Гинзбург писала когда-то, что только наивные люди воспринимают автобиографии как чистую правду. Пишущий всегда конструирует свою личность, моделирует ее по закону избранного жанра и согласно мифологии времени. Следы конструирования, обмылки традиционных писательских жизнеописаний встречаются в прозе Гандлевского. Например, мотив дачной жизни или мотив "непечатанья", трений с госбезопасностью, ставший уже штампом диссидентствующих исповедальников. Присутствует даже архаичный, почти брутальный мотив дуэли. Однако все эти стереотипы и концепты писательской жизни погружены у Гандлевского в контекст байки, случайной ассоциации и поэтому лишены не только мессианской подоплеки, жреческого пафоса, но и вынужденного иронического оттенка. Такая позиция отчасти программна. Время от времени в текст Гандлевского вкрапляются прямые обращения к "оппонентам" и единомышленникам, в которых провозглашаются художественные принципы прозы Сергея Гандлевского. Ну например: "Да, Лева, да, дорогой, и не надо морщиться. Мы меняемся нательными крестами,

С.Богуславский."Мечтатель"

деремся, как шуты, на дуэли, а то еще - можно наблевать в чужом коридоре, а с утра хватает наглости витийствовать и вещать, словом, безвкусицы - хоть отбавляй ... Но избыток ума тут заказан, рефлексия прописана в щадящих дозах. Но и ваше занятие не без изъянца. Пусть мы смешны, но мы имеем мужество быть таковыми, а для вас это - нож острый. Вам приходится всякий раз прежде, чем открыть рот, забегать перед собой, чтобы успеть себя высмеять раньше, чем рассмеются другие. Разве это не утомительно, разве это не зависимость?"

Адресат обращения предельно конкретен. Ирония, самоирония, ироническая рефлексия - существенные свойства постмодернистского текста - Гандлевскому кажутся путями, не менее унылыми, чем полубессознательное воспроизведение концептов с претензией на новизну и реализм (язвительное рассуждение о знаменитом ахматовском стихотворении из цикла "Тайны ремесла"). Полукомические истории, рассказанные больным и одновременно выздоравливающим поэтом, основательны, как быт. Мелкое, мелочное, частное являются настоящей опорой в жизни, в которой, как известно, бывает всякое, и всяким предстает перед читателем герой-рассказчик. У него нет стержня, ни здорового, ни декадентского. Зато существует болезнь, и страх смерти, и хождение по врачам, и звонки друзей, и предоперационные процедуры, и литературный труд. Все это характеризует человека с равной степенью достоверности и полноты. Повествование в "Трепанации черепа" ризомно: ветвисто и петлеобразно, и фрагментарно, и бесконечно, как жизнь, у которой нет сюжета, ведь формула "ЖИЛ - И УМЕР" слишком обща и требует уточнений. Что-то я зарапортовалась. Что за "жизнь" такая? Текст, конструкция, дискурс со своими суровыми внутренними законами. Анекдот, байка?.. Сейчас раскопаем фигуру, имманентную кумулятивной конструкции, состоящей из серии кратких однотипных эпизодов. Ведь присутствует однотипность в историях Гандлевского: поехали, выпили, не хватило, пошли еще, попали в передрягу... Шут, трикстер, не хотите ли? Всему посторонний, асоциальный тип, спонтанно нарушающий, чаще всего по-мелкому, общепринятые нормы. Правда, персонаж Гандлевского порой стыдится своих выходок, стремится удержаться в рамках. Например, выпрашивая у соседей деньги на выпивку, аккуратно возвращает долги. Вот он, "испитой сорокалетний мужик" с "пляшущими руками", далекий от нравственного совершенства, нередко дающий заведомо невыполнимые клятвы и все же не теряющий надежду на счастье. Образ не вписывающегося в ожидания персонажа-рассказчика скрепляет повествование, не дает ему развалиться на самостоятельные эпизоды. А в финале и вовсе происходит превращение персонажа в добропорядочного человека, в положительного, можно сказать, героя (дождались наконец!): "Чего я хочу. Я хочу выучить английский язык; хочу разбогатеть за счет сочинительства и купить трех- или даже четырехкомнатную квартиру здесь же в Замоскворечье; хочу, чтобы мой литературный дар не оставил меня... А если окажется, что этого мне нельзя, а надо слиться с остальными людьми электричек, улиц, метро и каким-то обычным способом зарабатывать на жизнь - не беда, быть посему. Тогда я хочу доработать до пенсии в журнале "Иностранная литература" и, тем более, выучить английский язык и стать хорошим редактором; хочу дожить до внуков, бодрой старости и умереть в одночасье, потому что очень боюсь боли; хочу, если не приведи Господь, жена моя умрет раньше меня, не поссориться с детьми из-за имущества и недвижимости; хочу, чтобы Гриша, мой сын, не плутал, не пачкался и не пачкал так долго, как это делаю я, а за дочь я почему-то спокоен; хочу, чтобы санэпидемстанция позволила похоронить меня на даче, но это уже чересчур; и еще я очень хочу, чтобы, когда я умру, Бог поднял меня на ту высоту, где сильная радость, и ясным делается, почему возникают опухоли в мозгу несмышленых детей, и почему он нашел все-таки возможным помиловать нас и меня".

В "Трепанации черепа" присутствует авантюрность на уровне эпизода, хотя в целом, как утверждает рассказчик, сюжета-интриги и нет: "взгляд и нечто, темные ходы смутных ассоциаций". Эпизодическая авантюрность в истории литературы часто предшествовала... роману. Может быть, поэтому "Трепанация черепа" Сергея Гандлевского (а об этом он неоднократно намекает в повествовании) выдвигается на Букера.

Не буду хвалить прозу Гандлевского. Неэпохальна, мелочна, антиконцептуальна. Здесь все перевернуто с ног на голову (в прямом смысле слова). Вместо концепта - рассказанный факт, вместо героя - автор в декорациях реальной биографии, вместо бытия - быт. Пережив трепанацию черепа, рассказчик радуется, что вернул утраченное - память на слова, названия предметов, твердость руки, чтобы держать перо. А может быть, это последнее и есть главное. Не возвращается ли прозе вкус к описаниям, субъективной единичной точке зрения? Фабулы, структуры, архетипы обретают лица конкретных людей, событий, вещей, снова начинают собираться вокруг человека, а не всасывать, словно пылесос, его в тот или иной дискурс. Мой частный мир вокруг меня под своим собственным единичным именем. И дышится легко, и читается без напряжения. Моя болезнь... Мое выздоровление... И последняя цитата: "Мне, баловню нынешней алкогольной вольницы, уже не вспомнить, в какие годы они открывали в 11, а в какие в 14-00. Но поскольку повесть моя радостная, пусть сегодня в 11 - тютелька в тютельку - отопрется обитая железом дверь, ибо до двух дня я не дотяну".